

Иван Дмитриевич Беляев

О великорусском племени

«Русская расовая теория до 1917 года» выпуск 1 О великорусском племени

И. Д. Беляев

Позвольте занять несколько времени беседою о великорусском племени. В Москве, - в сердце великой русской земли всего приличнее поведи беседу об этом предмете, и тем более это прилично, что еще недавно большая часть западноевропейских журналов и газет, по команде польских эмигрантов, общим хором утверждала, что мы великоруссы, никто другой как татары, скифы, финны, гунны, тураны и чуть не турки, даже хуже турок, какие-то чудища, оскверняющие европейскую землю. Обо всем этом даже читались публичные лекции, как говорят привлекавшие многочисленную публику в Западной Европе. Да и в настоящее время между западными европейцами еще много охотников верить сим подобным толкам и рассказням.

Кто же мы великоруссы? Что мы не турки,

не татары, не гунны, не какие-то тураны, - это ясно как светлый день, этому неумолкающий свидетель - история, этого не может видеть только тот, кто не будет смотреть, кто с намерением зажмурит глаза от света, кто со злым умыслом завяжет их повязкой лжи: ни татарского, ни турецкого, ни какого-то туранского переселения в здешний край история не ведает и его никогда не было на самом деле. Вся азиатчина, которую польские крикуны навязывают нам в родоначальники и предки, или только держалась временно на южных степных окраинах нынешней Российской империи, или только проходила через русские земли, не оставляя на них следа. Так по летописям известно, что обры или авары временно владели Волынью, но они скоро прошли далеко на запад за границы Русской земли, и там древнейший летописец Нестор сказал о них: «были обры велики телом и умом горды», и Бог истребил их, измерли все и не осталось ни одного обрина и есть притча в Руси и до сего дни: «погибли как обры, и нет их племени ни наследка». Да авары и не заходили в здешнюю сторону, их поприщем на Руси бы-

ли только южные степные окраины и Волынь. В VII, VIII, IX и X столетиях в низовьях Волги и Дона даже до Черного моря была сильная держава Хазарская; но хазары не доходили до Оки, и следы их в двух трех урочищах не заходят далее Дона и Донца, да в низовьях Волги говорит еще об них утка казарка. Камские или волжские болгары известные и по нашим летописям, и арабам и Константину Порфирородному, еще в конце XIII столетия держались в углу, образуемом Камою и Волгою и даже воевали с Суздальскими князьями; но они поселились в Суздальском краю и поглощены или истреблены татарами. В начале IX столетия в придонских и приднепровских степях появились печенеги и пробрались степями за Днепр до Дуная; но они всегда держались со своими кочевьями южных степей и не доходили до Оки. Ока всегда оставалась непереходимым рубежом для степных кочевников. За печенегами в придонских и приднепровских степях явились половцы, также протянувшиеся до Дуная; но и они в Суздальском и Рязанском краях не показывались. Здесьним краем вероятно про-

шли в X столетии только угры или венгры, мадьяры, сродники башкирцев; но и они только разве прошли здешним краем, и нигде здесь не останавливались и не оставили никаких следов. Наконец, в первой половине XIII столетия через Болгарскую и Мордовскую земли пришли сюда монголы и татары, под предводительством Батыея, и прошли вдоль и поперек здешний край, опустошили его и заставили русских платить дань монгольскому хану; но они монгольских и татарских поселений здесь не оставили, и напротив все, дошедши только до Игнача креста в Новгородской земле, поворотили на юг и раскинули свои кочевья в степных низовьях Волги, Дона, Днепра и Днестра до самых берегов Черного моря, или заняли старые пепелища казар, печенегов и половцев. Следовательно, не могли оставить даже и подозрения о каком-нибудь сродстве с русскими; русские, будучи даже данниками татар, всегда смотрели на них как на поганых, и ни та, ни другая сторона никогда не думали сближаться друг с другом. Даже клочок татарской орды, со своим царем поселенный Московскими великими князьями в

Касимове, до сего времени сохранил свой татарский тип и не сроднился с русскими, хотя касимовские татары полюбили Петербург и ходят туда на заработки и даже живут там по несколько лет. О турках же и каких-то мифических туранах, чтобы они когда-либо жили в здешнем краю или проходили через него, нет даже никаких слухов или сказочных преданий, на которые бы, хотя сколько-нибудь, могли опереться горячечные бредни польских эмигрантов. Таким образом вся исчисленная нами азиатчина, навязываемая польскими крикунами в предки русскому народу, ни в каком случае, по свидетельству истории, не может быть причислена хотя в какую-либо дальнюю родню не только великорусскому племени, но и малорусскому, жившему в ближайшем соседстве с южными степями. Да кроме недавних польских крикунов и их товарищей никто никогда и не думал навязывать нам в родню всю эту азиатчину.

Напротив того все европейские предания и свидетельства официальные и литературные искони, как только доходит память о здешнем крае, постоянно называют этот край сла-

вянским или русским и главных жителей его славянами и русскими. Так, скандинавские саги говорят, что здешний край принадлежал ильменским славянам или новгородцам, и что Муром, Суздаль, Ростов и Белоозеро были богатыми Новгородскими колониями со своими отдельными правителями из Новгорода. Греки или византийцы, как только вошли в сношения со здешним краем всегда называли его русским и народ и князей русскими. То же название здешним жителям и князьям придают итальянцы: так Римский папа Григорий IX, в своем послании к Владимиро-Суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу, писанном в 1231 году, называет его русским князем и суздальцев его подданных русскими людьми. Или папа Лев X, в своем послании к великому князю Василью Ивановичу, писанном в 1519 году называет его благородным князем Москвы и Руси. Или Венецианский посланник Фоскарини, бывший в Москве в 1557 году, в своем сказании о Московском царстве говорит: «Руссия разделяется на две половины, одна нижняя Литовская, другая Белая дальнейшая, Московская... Москвитяне говорят по-славян-

ски, так же как далматинцы, богемцы, поляки и литовцы, т.е. белоруссы». А другой Венецианский посланник Тиополи, бывший в Москве в 1559 году, пишет: «Руссия великою рекою Днепром разделяется на две половины, и одна из них называется Московиею». Наконец, в начертании Московии, посвященном кардиналу Алтери в 1672 году и писанном одним итальянцем, скрывшим свое имя, сочинитель, говоря о Западной и Северной Двине, первую называет Ливонскою, а вторую Русскою, значит Московскую страну, где течет Северная Двина, признает Русскою землею. Такие же свидетельства о здешнем крае получаем и от старых немцев. Так посол Римского императора Герберштейн при Московском дворе, хорошо и подробно изучивший всю тогдашнюю Русскую землю, в своих превосходных записках прямо называет здешний край Русскою землею. Он пишет: «Из государей в настоящее время управляющих Руссиею, - первый великий князь Московский, который держит за собою большую часть России, второй великий князь Литовский, и третий король Польский, который в настоящее время

владеет Польшею и Литвою». А в другом месте у Герберштейна сказано: «Все народы говорящие по-славянски и исповедующие греческую христианскую веру, вообще называются русскими, или по-латыни рутенами, и до того умножились, что всех живших между ними инородцев или изгнали, или обратили в русских, так что все в настоящее время носят одно имя русских». Другой немец Иоанн Фабр в своем донесении австрийскому эрцгерцогу Фердинанду пишет: «Народ, который мы в настоящее время называем московитами, по главному их городу Москве, издревле называются русскими». От англичан те же вести о здешнем крае; в донесении о путешествии Ченслера в Москву сказано: «Московия, она же и Белая Руссия, обширнейшая страна сопредельная со многими народами».

Наконец и старые поляки, предки нынешних польских крикунов, также называют здешний край Русскою землею, и здешних людей русскими людьми. Так архиепископ Гнезненский, Иоанн Ласский, в своем донесении, представленном Латеранскому собору в 1514 году, исчисляя разные племена русских,

называет москвитян Белою Русью. Или польские летописцы и историки XVI столетия пишут о здешнем крае так. Матвей Миховий: «Московия, или в просторечии Москва, главный город всей Белой Руси, Московское государство есть обширнейшая страна, и по всей этой стране один язык русский или славянский. Или Станислав Сарницкий прямо называет москвитян русскими людьми; он говорит: «когда Московский князь Димитрий, в день пасхи шел в церковь, - так русские называют храм Божий». Знаменитый польский историк Длугошь князей здешнего края Владимирского Георгия, Переяславского Ярослава и Ростовского Константина называет русскими князьями, и здешний край Русскою землю и здешних жителей русскими людьми. Так описывая известный Липецкий бой (1206 года), между Константином Ростовским и Георгием Владимирским, Длугошь говорит: «и в том сказывают пало более десяти тысяч русских». Александр Гваньини, современник великого князя Иоанна Васильевича IV пишет: «Московия, в просторечии Москва, обширнейший город, столица всей Белой России, подвластной

великому князю Московскому». Или в другом месте москвичей прямо называет русскими людьми; описывая нравы современных ему москвичей говорит: «у москвичей или у русских есть обычай ежегодно в известные дни заводить кулачные бои, где-нибудь за городом на открытом месте; на эти бои сходятся как молодые так и пожилые люди, с этих боев зачастую возвращаются полуживые, а бывают и убитые».

Таким образом все исторические и достоверные известия и византийцев, и арабов, и всей Западной Европы, и даже лучшие польские летописцы и историки прежнего времени, от древнейших времен в продолжительный ряд веков, единогласно и постоянно свидетельствуют, что здешний край - чисто Русский край, что великоруссы - чистые славяне, что их никто и никогда не причислял ни к финнам, ни к гуннам, ни к татарам, ни к каким-то мифическим туранам. Следовательно, по свидетельству самой же Западной Европы, входившей в сношения со здешним краем и со здешними людьми, и по свидетельству лучших и достовернейших польских летопис-

цев и историков, нынешние крики польских эмигрантов с товарищами о каком-то монгольском и татарском происхождении великоруссов есть ни больше ни меньше как горячечные бредни, ни на чем не основанные, свидетельствующие только о непомерной злобе современных поляков.

Доказавши всеми достоверными свидетельствами и русскими, и иноземными, что мы великоруссы ни гунны, ни финны, ни монголы, ни татары, ни какие-то тураны, а напротив славяне и чисто русские, теперь следует показать к какому же племени русских славян мы принадлежим, или как образовалось великорусское племя и по чему получило свое название?

По свидетельству древнейшего и достовернейшего нашего летописца Нестора, близко знавшего все племена славянские, в глубокой древности занимавшие разные края русской земли на всем громадном ее пространстве, здешний край, т.е. земли Рязанская и Муромская, Суздальская и Ростовская с Белым озером принадлежали племени ильменских славян или новгородцев, которые еще в доисто-

рические времена колонизовали этот край и построили в здешних диких лесах между жилищами первобытных здешних обитателей, мери, веси и муромы, свои славянские города Ростов, Белоозеро, Суздаль и Муром и населили их своими же братьями славянами ильменскими. Следовательно, здешние славяне или великоруссы по происхождению своему первоначально могли принадлежать к новгородцам или ильменским славянам. Новгород и, кажется, еще Смоленск, древнейшая Новгородская колония в верховьях Днепра, были первоначально главным гнездом славянщины, из которого постоянно напирали сюда славянские колонисты и постепенно подчиняли себе и ославянивали здешних полудиких и робких старожилов - Весь, Мерю и Мурому.

Это свидетельство Нестора подтверждают и арабские писатели VIII, IX, X столетий, которые единогласно говорят, что через здешнюю страну в древности шла большая торговая дорога новгородцев в Камскую Болгарию и Хазарию, которая естественно тянула сюда предприимчивых и отважных новгородцев, и вы-

двигала одну за другой их колонии в здешний край, чтобы ближе быть к богатым и важным для Новгорода рынкам болгарскому и хазарскому, на которых новгородцы приобретали себе азиатские товары, необходимые им для торговли с Западной Европой и для собственного употребления, и сбывали азиатцам дорогие меха и другие товары, приобретаемые на глубоком Севере. Да и кроме торговли сюда привлекало новгородских поселенцев богатство земли, обильнейшее сравнительно с новгородскими болотинами. Дорого цenia здешнее плодородие, простор и приволье, богатые из новгородцев при помощи повольников, шнырявших по здешним рекам и речкам, спешили захватывать земли и заселять их своими ратниками из новгородцев же, надеявшихся в этой привольной стране, и при помощи своих покровителей богачей, удобнее устроить свои хозяйственные дела. Таким образом здешний край еще в доисторической древности сделался раздольем для новгородских бояр богачей, - или больших людей, которые на просторе именем господина Великого Новгорода бесконтрольно владели

здешнюю землю; точно так же, как впоследствии они владели в привольном заволочье, или в северном краю орошаемом Северною Двиною, Онегою и Вислою; они тут строили свои города и селения. Так что здешние земли Веси, Мери и Муромы покрылись сетью вотчин, или волостей, принадлежащих новгородским большим людям, и более или менее населились новгородскими колонистами и приняли общественный строй новгородский. Здесь еще до прибытия варяго-русских князей в Новгород устроились свои старые города Бело-озеро, Ростов, Суздаль и Муром, где сидели правители, назначаемые новгородским вечаем.

С приглашением новгородцами варяго-русских князей в 862 году христианского летоисчисления, положение здешнего края несколько изменилось; новгородское вече здешние земли уступило в непосредственное управление одному из приглашенных князей Синеусу, который со своими варягами-русью и засел на Бело-озере: а по смерти Синеуса здешний край перешел во власть князя Рюрика, который разослал своих мужей с их ва-

ряжскими дружинами, кого в Ростов, кого на Бело-озеро, кого в Суздаль, кого в Муром: и таким образом к здешним старым новгородским колонистам присоединились новые колонисты, варяго-русские; но, разумеется рядом со старыми и новыми колонистами оставались здесь жить и здешние старожилы Весь, Меря и Мурома. У новгородцев не было в обычае истреблять старожилов, они только старались ослабить их. По удалении Рюрика преемника Олега из Новгорода на юг, в Киев, здешний край по договору новгородцев с Олегом остался за ним и его потомками, и таким образом окончательно отделился от Новгорода, и здешние старые новгородские колонисты, мало по малу, смешались с новыми колонистами варяго-русскими, ослабили их и составили с ними одно цельное племя варяго-русско-новгородское. И новгородские бояре, здешние вотчинники, по отделении здешней земли от Новгорода, сделались вместе с варяго-русскими новыми пришельцами, главными владельцами здешних земель, уже совершенно независимыми от Новгорода и полузависимыми от киевских князей, сюда

никогда не заглядывавших. И так прошло слишком сто лет до того времени, как великий князь киевский Владимир Святославич, принявши христианскую веру, стал рассылать своих сыновей по городам для введения христианства, и между прочими в Ростов сперва отправил Ярослава, а потом Бориса, а в Муром - Глеба, разумеется с их дружинами и священниками. В продолжение этого столетнего периода здешний, первоначально финский, край настолько уже был ославлен, что при введении христианства церковная служба уже совершалась на одном славянском языке, и не встретилось неотложной надобности переводить церковные книги на язык здешних старожилов Веси, Мери и Муромы. По преданиям, сохранившимся в народных былинах, при Владимире здешний край настолько уже был русским, что выслал к Владимиру чисто русских богатырей Илью Муромца, крестьянского сына из Мурома и Алешу Поповича - из Ростова.

Рассылка сыновей Владимира по городам здешнего края дала несколько иное направление здешней общественной жизни. С одной

стороны главные здешние города, Ростов и Муром, получили отдельных князей, которые пришли сюда со своими дружинами; дружины же сии, приведенные из Приднепровья, конечно по преимуществу состояли из полян и вообще приднепровцев и варягов, следовательно принесли пополнение здешнему народонаселению новым элементом приднепровским, который разумеется соединился со здешними новгородскими и варяго-русскими поселенцами, и составил с ними одно сплошное целое. А, с другой стороны, введение христианства еще плотнее соединило здешних разноплеменных насельников единством веры и дало решительный перевес славянскому элементу; ибо, как мы уже имели случай заметить, христианское богослужение и проповедь и здесь, как и в других краях Русской земли, совершались только на славянском языке. Но обильнейшие плоды этого нового направления мы увидим не ближе, как через полтора ста лет, т. е. при внуках и правнуках Ярослава. Между тем, по смерти Ярослава, здешний край разделился на две половины и причислился к двум приднепровским уделам

Ярославовых сыновей, одна половина, именно: Муром и Рязань, досталась второму Ярославову сыну Святославу и была причислена к Черниговскому уделу, а другая половина, Ростов и Суздаль с Белым озером, досталась третьему Ярославову сыну Всеволоду и была причислена к Переяславскому уделу на Днепре. Оба князя по обычаю отправили в здешние города своих мужей для управления, а мужи также по обычаю привели с собою свои дружины преимущественно из северян, ибо и Чернигов и Переяславль, где набирались сии дружины, были города Северной земли, и таким образом к населению здешнего края примешался еще новый элемент северянский, который постоянно пополнялся присылкою новых княжьих мужей с их дружинами также из Северян.

При внуках и правнуках Ярослава здешний край опять, как и при Владимире, получил своих отдельных князей, которые уже передали здешние княжества своим потомкам, как самостоятельные уделы, независимые от уделов приднепровских. Именно, в Муроме и Рязани утвердился Ярослав Святославич, вы-

гнанный своим племянником Всеволодом Ольговичем из Чернигова, и от него потом пошел род князей Рязанских и Муромских, а Ростов и Суздаль получил младший Мономахов сын Юрий Долгорукий, от которого произошли князья суздальские и ростовские. Образование отдельных и самостоятельных княжеств в здешнем краю дало тот толчок жизни здешних поселенцев, который поставил их довольно высоко между прочими русскими племенами, и дал возможность резко выказаться тем характеристическим чертам, которые были подготовлены предшествовавшими смешениями поселений и составили свой самостоятельный чисто русский тип великорусского племени. Но дело полного составления великорусского племени на этом не остановилось. Великие устроители и насадители здешнего края, князья Юрий Долгорукий и сын его Андрей Боголюбский, настроили здесь множество новых городов и насозывали сюда жителей со всех русских краев, и из Северной стороны, и из Киевской, Смоленской и Волынской, не говоря уже о новгородцах; так что в это время Ростовско-Суздальская

земля сделалась настоящим гнездом всех возможных русских колоний. И все сии разнообразные колонисты под общим именем суздальцев сделались первенствующим и сильнейшим народом на Руси и вся чисто русская жизнь во всем своем разнообразии потянула в Суздальщину.

Время князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского было временем громадного переворота в здешнем краю, - Ростовско-Суздальская земля, доселе как бы забытая князьями и носившая еще характер Новгородской колонии, состоящей почти под исключительным господством местных бояр - богатых землевладельцев, вдруг по воле энергических князей должна была принять иной образ, сбросить форму колонии и подчиниться новым порядкам владения, независимого, самостоятельного, со своими сильными князьями. А по сему естественно люди, бывшие могущественными при старых порядках, должны были вступить в борьбу с нововведениями, ограничивавшими их своеволие. И действительно, дошло до нас несколько темных и запутанных преданий о борьбе здешних старин-

ных богачей - землевладельцев с новыми князьями. Предания сии тем более для нас интересны, что они тесно связаны с сердцем России с нашею дорогою Москвою. По свидетельству сих преданий местность Москвы принадлежала исстаринному, кажется, новгородскому колонисту, боярину Степану Ивановичу Кучке, богатые и многолюдные вотчины которого были расположены по рекам Москвы, Яузе и Неглинной, и составляли одно большое и сильное владение. Этот Кучко, по одному преданию, возгордился против князя Юрия Долгорукого, и был убит им, а детей его, еще очень молодых и красивых собою, Юрий отослал к своему сыну Андрею Боголюбскому во Владимир, а там выдал за Андрея Кучкову дочь, красавицу Улиму. По другому же преданию Кучко со своими сыновьями воевал против князя Суздальского, но был разбит и убит им, а среди Кучковых сел князь построил город Москву. Темны и смешанны сии и подобные предания о Кучке и Москве, но в них слышится голос исторической правды; о Москве и по летописям упоминается в первый раз при Юрии Долгоруком, и его не без основания

считают основателем Москвы; а Кучковичи действительно состояли в числе приближенных слуг Андрея Боголюбского, и один из них Яким Кучкович, вместе со своим зятем Петром и ключником Анбалом, был главным заговорщиком и убийцей Андрея. А что Кучко был, по всему вероятно, старым новгородским колонистом, на это мы имеем указание в писцовых новгородских книгах, по которым значится фамилия Кучковичей в числе новгородских бояр-землевладельцев даже в XV столетии.

Но, конечно, борьба своевольных, давно здесь зажившихся богачей-колонистов, не могла иметь успеха, как и свидетельствуют предания. Да и что могли сделать старые здешние богачи-землевладельцы, когда силы князей росли не по дням, а по часам, прибытием новых поселенцев со всех краев Русской земли, и особенно с беспрестанно разоряемого Приднепровья. Поселенцев влекло сюда, с одной стороны, хорошее устройство и порядок, заведенный строгими и энергичными князьями Юрием и Андреем, и множество разнообразных работ, ими затеянных и до-

ставлявших хорошие заработки. Здесь всякий видел разгорающуюся жизнь, тогда как она глохла в других краях, и всякий охотно шел сюда селиться. А с другой стороны, здешний край, как срединный, удаленный от степей, был обеспечен от внешних набегов. Каждый хорошо знал, что здесь нога не была ни печенега, ни половца, ни иного какого кочевника-грабителя, что здешние города и селения растут и развиваются спокойно, не тревожимые набегам поганых, и каждый был уверен, что здешняя нива, хотя не так богатая, как в Приднепровье, все плоды свои, ни с кем не делясь, передает хозяину, а не будет потоптана или пожжена поганым половчином. И множество охотников спешили перебраться сюда из пожженных и разоренных городов и сел приднепровских. А каждый новый поселенец-пришелец нес новую силу здешним князьям, строителям и насадителям, и был новым помощником к введению новых порядков и к ослаблению старого своеволия старых богачей, прежних колонистов. Исстаринные колонисты решились наконец на последнее средство,- но злодейство, как и должно

было ожидать, не помогло, и новая жизнь взяла свое; Ростовско-Суздальский край превратился в настоящее и самостоятельное гнездо великорусского племени, в котором соединились и смешались лучшие силы всех племен Русской земли.

Новая жизнь Суздальско-Ростовского края, вызванная устроителями и насадителями его, князьями Юрием Долгоруким и Андреем Боголюбским, и поддержанная и распространенная их знаменитым преемником младшим сыном Долгорукого, князем Всеволодом Юрьевичем, не погибла и под тяжестью страшного монгольского нашествия. Напротив того нашествие Батыя с бесчисленными татарскими и монгольскими полчищами, сильно погромившее земли Суздальскую и Рязанскую и вконец разорившее приднепровье, Киев, Чернигов, Переяславль и другие тамошние города, дало новых поселенцев Суздальской земле. Жители опустошенного Приднепровья, обратившегося в татарское кочевье, и потерявшего своих князей, толпами потянулись в Суздальскую землю, хотя разоренную и подпавшую татарскому игу, но не

занятую татарами и управляемую деятельными и умными князьями, не знавшими устали в возобновлении городов и вообще в устройстве всего здешнего края. И Суздальская земля снова стала переполняться пришельцами из разных краев Руси, снова здешние князья, строители и насадители начали отводить земли родным пришельцам, и давать им разные преимущества и льготы, на которые разумеется еще более шло охотников с разных сторон. В это страшное время русские люди, разоренные в конец, охотно шли селиться не только к русскому князю, дававшему льготы; но даже к татарину, ежели он задумывал жить оседло и вести русское хозяйство на большую руку. Так в летописях есть известие, что к Ахмату, татарскому баскаку, в Курске, в 1284 году построившему на свое имя две слободы, набралось, в надежде на покровительство богатого татарина, столько поселенцев с разных сторон, что в тех слободах открылись торги и разные мастерства, и те слободы наполнились русскими людьми, как грады великие. При таком настроении населения и при таковой существенной нужде в покрови-

тельстве, естественно переселенцы спешили из разных краев русской земли к здешним князьям, о которых к их чести нельзя не сказать, что они один перед другим заботились о том, чтобы земли в их владениях не пустовали, чтобы не было недостатка в поселенцах, и для этого не скупились на льготы.

На движение русских людей из приднепровья на северо-восток в земли Рязанские и Суздальские, мы имеем указание и в летописях, где, например, под 1301 годом читаем о переселении в Москву черниговского боярина Родиона Нестеровича с целым полком княжат и детей боярских, числом 700 человек; и сколько таковых переселенцев, чуть не каждый год, шло только на службу к здешним князьям с именем княжат и бояр, и все они приводили с собою хоть какие-нибудь дружины и получали от здешних князей земли в вотчину, иногда даже города, и таким образом в большей части случаев навсегда связывали судьбу свою и своего потомства со здешним краем. Но гораздо сильнее свидетельства о сильном движении поселенцев из приднепровья на северо-восток представляют

народные предания неписанные, - все народные эпические песни и былины самые древние, повествующие о древнейших приднепровских князьях, о тамошних народных богатырях и о городах: Киеве, Чернигове, Волыни и Галиче, до сего времени сохраняются в народе, и поются и рассказываются старухами и стариками из крестьян и мещан в здешнем краю; тогда как все сии древнейшие приднепровские предания давно уже утратились в Приднепровье, где теперь старина в песнях и былинах народных не восходит старше казачества и борьбы с поляками. Самый язык старой приднепровской Руси, как он сохранился в литературных памятниках, ближе к здешнему народному языку, чем к теперешнему приднепровскому и здешним людям, например, Несторова летопись, или поучения Кирилла Туровского, или старый непечатный патерик печерский гораздо понятнее, чем современному простолюдину малоруссу. И таким образом и древняя народная поэзия и язык как бы каким-то чудом из приднепровья перенеслись сюда, и конечно, они пришли сюда не одни, а вместе со своими носите-

лями, старыми чисто русскими жителями приднепровья. Все это ясно и прямо показывает, что лучшая и наибольшая часть старого приднепровского русского населения во время татарского владычества, и позднее, при занятии Галича и Волыни польским королем Казимиром и во время погромов литовских перебралась на северо-восток, в здешний край со всеми своими местными народными преданиями и, слившись со здешним русским населением, передала их своим потомкам, уже здешним жителям, которые и хранят все это в своей памяти, как общую народную святыню всей русской земли и всего славянского племени на Руси, и передают из рода в род.

Таким образом с татарским нашествием на Русскую землю окончательно сложилось в здешнем крае как бы новое русское племя великоруссов, в котором органически соединились все живучие и деятельнейшие силы русских племен из всех краев Русской земли, которое потому и получило имя великорусского племени, как представителя всех русских племен, как племя всероссийское, а не част-

ное и местное; и посему, по самой природе своей потянуло к себе все остальные частные и местные племена всей Русской земли, и раскинулось на огромные пространства, на какие не раскидывалось ни одно из славянских племен на Руси, даже и Новгородцы. Оно на юг охватило своими поселениями берега Дона и его притоков, почти до Азовского моря и предгорий Кавказа, на восток заселило своими колониями бассейн Волги почти до Каспийского моря и проникло на Урал, на севере и северо-востоке достигло берегов Белого моря и пробралось в Сибирь, на западе уперлось в Финский залив и простерлось почти до Днепра. И все это оно сделало не столько завоеванием, сколько колонизацией и своим всероссийским значением. Всероссийское значение великорусского племени не укрылось и от частных русских племен на запад от Днепра. Племена сии, несмотря на несчастные исторические обстоятельства, разлучившие их с великорусским племенем и притянувшие к чуждым центрам, несмотря на все старания сильных иноплеменников уничтожить даже память о родстве с великорусским племенем,

не могли забыть об этом родстве, и чем больше насилия и хитростей употребляли иноплеменники для полного разъединения сих племен с великорусским племенем, и чем больше клеветали на великорусское племя и возбуждали злобу; тем сильнее высказывалось в сих племенах чувство родства и единения с великорусским племенем. Еще в XV столетии потянули к Москве некоторые населения левого берега Днепра, затем в XVI столетии русское племя, населяющее Великое княжество Литовское, заговорило о соединении с Москвою и об избрании Московского царя в государи Литовские. Затем в XVII столетии Малороссия или все южнорусские племена обеих сторон Днепра, под предводительством главного своего гетмана Богдана Хмельницкого, единогласно признали государя Московского своим государем и навеки соединились с Москвою, т. е. с великорусским племенем, и во всем этом соединении со стороны великорусского племени не было никаких особых стараний и происков. Москва и ее государь не противились соединению, соединение же названное самою жизнью произошло по доброй

и прямой воле самого южнорусского населения, по неумолкаемому чувству единоверия и единоплеменности с великорусским племенем; не Москва искала Малороссию, а сама Малороссия тянула к Москве, как к естественному племенному центру, к общему гнезду, к которому, по законам истории и природы, должны собраться все частные племена Русской земли, чтобы составить одно сплошное неразрывное всероссийское племя, как одна Русская земля, которая с тех пор как сознала свое единство, никогда не знала и не хотела знать никаких делений и дроблений на народности, постоянно признавая один русский народ, всю Русь.

Чувство непрерывающегося родства и единоплеменности с великорусским племенем и признание за ним естественного центра во всех русских племенах, и в настоящее время находится в полном своем развитии и на наших глазах заправляет всею жизнью русских племен. Припомним недавние, свежие, еще непростывшие события последнего польского мятежа. Пользуясь нашею оплошностью и снисходительностью, чего не делали поляки,

чтобы отделить западную Русь от восточной, каких происков и соблазнов не употребляли они, чтобы достигнуть своей цели; все было пущено в ход и золотые грамоты для народа, и шутовское кумовство и побратимство мощных панов с бедными хлопцами, и сепаратистические теории рассеянные между недоучившеюся молодежью, и клеветы на Москву и на все великорусское, и подкупы, и угрозы, и натравливание местной администрации на простонародье; но все это оказалось окончательно бессильным против чувства родства и единоплеменности западной Руси с восточной, великорусского племени со всеми русскими племенами западного края, на которые польская интрига так тщательно старалась разбить единый западнорусский народ. Вся эта хитро задуманная и ловко веденная затея пошла прахом; как дошла очередь до дела, — западнорусский народ ни на минуту не задумался и как один человек стал за единство и родство с восточною Русью, т. е. с великорусским племенем, несмотря на то, что иным из тамошних доблестных людей за это пришлось поплатиться жизнью под ножом

или от веревки польских жандармов вешателей. Да и теперь в настоящую минуту, на самых крайних западных пределах старой Русской земли в Галичине и в так называемой Угорской Руси, не то ли же неумолкаемое чувство родства и единоплеменности с великорусским племенем движет массами тамошних русских людей, и образованных и простолюдинов. А между тем сколько десятков лет и мадьяры, и поляки, и австрийцы хлопочут о том, чтобы изгладить самую память об этом чувстве, и чего не делали и не делают они для достижения своей цели. Они давно уже успели притянуть тамошних русских людей к унии с латинством, и отделить от единения с православною церковью, запрещали говорить и писать по-русски, старались сочинить какой-то особый русский язык, даже выдумали особое название рутенов вместо русских. Но несмотря на все это и многое другое в том же роде, тамошние русские люди продолжают быть русскими людьми, и в книгах и на сеймах прямо говорят, что они русские, а не рутены, что они одной семьи со всеми русскими людьми, и самый язык их год от года бо-

лее и более освобождается от посторонних примесей и ближе подходит к общему русскому или великорусскому языку. Русские люди в Галичине и Угорщине своим народным чувством и сознанием, что они русские люди и что принадлежат к одной семье с великорусами, служат лучшим доказательством, что великорусское племя есть общерусское племя, что оно составляет центр соединения всех русских племен, где бы они ни жили и в каких бы обстоятельствах ни находились. В Галичине и Угорщине все обстоятельства сложились так, что бы тамошние русские люди отреклись от единоплеменности с Россией; но они не отрекаются, и прямо и гласно утверждают, что они русские одной семьи со всей Россией, где общим представителем великорусское племя, что они не хотят быть ни отдельным русским племенем, ни малоруссами, ни червоноруссами, ни белоруссами, а что есть, были и будут просто русскими, как и вся Россия. Значит народного чувства и исторической правды ничем не заглушишь; а историческая правда и народное чувство во всех концах Русской земли, даже за ее пределами

закордонном, где только живут русские люди, говорят одно, что великорусское племя есть всероссийское племя, что оно центр всех русских племен и следовательно всем прямая родня до самых костей.

Но чтобы не продолжать нашей беседы, и без того уже довольно затянувшейся, я просил бы всех, желающих увериться в таковом значении великорусского племени, посмотреть на Московскую этнографическую выставку. Там будут поставлены рядом типы всех русских племен, как живущих в самой России, так и за кордоном; и сами типы лучше всяких слов и доказательств каждого убедят, что великорусское племя есть всероссийское племя, что в его этнографический облик все русские племена внесли свои черты, и что в этом чистом облике нет ни одной нерусской черты. Да, милостивые государи и милостивые государыни! Великорусское племя на этнографической выставке, так сказать, обдаст вас своим чистым русским типом, я это сам испытал своими собственными глазами и своим чувством.

